

Мария Корелли

Зиска

Загадка злобной души

W. E. SOARS

Мария Корелли

Зиска. Загадка злобной души

«Издательские решения»

Корелли М.

Зиска. Загадка злобной души / М. Корелли — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749419-3

Доктор парапсихологии приезжает на отдых в Каир и неожиданно становится свидетелем мистических событий. Прошлое прославленного древнего воина, тайны Сфинкса и Великой Пирамиды сплетаются в зловещий клубок любовных страстей вокруг загадочной и прекрасной египтянки. Однако кто она, откуда и какие планы вынашивает в своей тёмной душе, под силу разгадать лишь мудрому доктору, но даже ему не дано изменить Предназначение...

ISBN 978-5-44-749419-3

© Корелли М.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	20
Глава 3	24
Глава 4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Зиска
Загадка злобной души
Мария Корелли

Посвящается ныне живущей реинкарнации Аракса

© Мария Корелли, 2016

© А. В. Боронина, перевод, 2016

Автор иллюстрации на обложке Уильям Соаре Фултон

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Тёмная на фоне неба высилась Великая Пирамида, и над её вершиной зависла луна. Словно затонувшее судно, выброшенное на берег неким колоссальным штормом, Сфинкс, отдохавший на волнах окружавшего его сероватого песка, казалось, теперь дремал. Его торжественный лик, что бесстрастно взирал на то, как сменялись столетия, расцветали и увядали империи и поколения людей рождались и умирали, на секунду, казалось, утратил своё обычное выражение созерцательной мудрости и глубокого презрения – его ледяной взор будто потупился, его суровый рот почти улыбался. Неподвижный воздух дышал зноем, и ни единая человеческая стопа не нарушала тишины. Но ближе к полуночи вдруг зазвучал Голос, словно ветер в пустыне, громко воскликнувший: «Аракс! Аракс!», и, пролетев, потонул в глубоком эхе бездонных ниш пустынной египетской гробницы. Лунный Свет и Время плели свою собственную тайну – тайну Тени и Формы, что выпорхнула, как тонкий дымок из самых ворот древнего храма Смерти, и, проплыв несколько шагов вперёд, обрела видимую прелесть Женской формы – Женщины, чьи тёмные волосы тяжело ниспадали вокруг неё, как чёрные останки давно захороненного савана покойника; Женщины, чьи глаза пылали недобрым огнём, когда она подняла своё лицо к белой луне и взмахнула призрачными руками в воздухе. И вновь дикий Голос задрожал в тишине:

«Аракс!.. Аракс! Ты здесь,
И я преследую тебя! Сквозь жизнь в
Смерть; сквозь смерть снова в жизнь!
Я нахожу тебя и преследую! Преследую!
Аракс!...»

Лунный Свет и Время плели свою собственную тайну; и прежде чем бледно-опаловый рассвет окрасил небо оттенками розового и янтарного, Тень растаяла; Голоса больше не было слышно. Медленно солнце поднимало край своего золотого щита над горизонтом, и великий Сфинкс, пробуждаясь от своего очевидно краткого сна, устремил взгляд выразительного вечного презрения через пески и хохлатые пальмы к сверкающему куполу Эль-Хазара – этой обители глубокой святости и мудрости, где люди всё ещё преклоняли колени и поклонялись, моля Непознанное избавить их от Невидимого. И почти можно было решить, что выточенный Монстр с таинственным женским ликом и львиным телом обдумывал удивительные мысли своим гранитным мозгом, поскольку, когда день воссиял во всей своей славе над пустыней и осветил её огромные пространства горящим шафрановым великолепием, его жестокие губы всё ещё продолжали улыбаться, словно страстно желали заговорить и предложить свою страшную древнюю головоломку – Загадку, которая убивала!

Глава 1

Стоял в разгаре самый пик туристического сезона в Каире. Вездесущие британцы и не менее вездесущие американцы заполнили своими разномастными «групповыми» знамёнами песчаную землю, омываемую водами Нила, и активно работали над унижением города, раньше именовавшегося Аль Кахира (или «Победитель»), до более прискорбного состояния зависимости и рабства, чем это мог сделать любой древний завоеватель. Ибо тяжкий хомут современной моды был наброшен на шею Аль Кахира, и непреодолимое тираническое владычество «чванной» вульгарности легло на него законом Победителя. Смуглые дети пустыни могли и, быть может, хотели с готовностью выдвинуться вперёд и сразиться человеческим оружием за свободу спокойно жить и умирать в их родной земле; но против вежливо-улыбчивой, белошляпой и в солнечных очках потной орды «дешёвых» туристов из агентства Кука что могут они поделать, кроме как оставаться терпеливыми и почти безмолвными? Ведь ничего подобного «дешёвым» туристам ещё не было прежде известно миру до нынешних просвещённых и славных дней прогресса; это вновь привитый тип кочевника, похожий и одновременно не похожий на человека. Теория Дарвина здесь являет себя гордо и очевидно, находя в этом кочевнике обилие подтверждений для себя: в его неустанности, в его обезьяноподобной ловкости и любопытстве, в его бесстыдной любознательности, в его старательном очищении себя от иностранных блох, в его всеобщем внимании к мелочам и в его всегда волчьем аппетите; и где заканчивается обезьяна и начинается человек уже весьма непросто разобраться. «Образ Божий», которым он вместе с его товарищами был наделён в первые дни Творения, оказался полностью смытым, и не осталось ни намёка на божественное в его смертном составе. Также и вторая фаза – подобие Божье, или Подвижничество, – не украшает больше его тела и не облагораживает его внешности. Нет ничего подвижнического в блуждающем двуногом, которое шатается по улицам Каира в белой фланели, смеясь над степенным самообладанием арабов, щёлкая большим и указательным пальцами по терпеливым носам маленьких наёмных ослов и других вьючных животных, просовывая разгорячённое, красное любопытное лицо в тенистые закоулки пахучих базаров и прогуливаясь вечерами в садах «Esbekiyeh» с сигарой во рту и держа руки в карманах, оглядывая пейзаж и демонстрируя такое поведение, будто всё это место не более чем филиал выставки «Эрлс-Корт». История никоим образом не впечатляет «дешёвого» туриста; он оценивает пирамиды, как просто «хорошенькую постройку», а самого непостижимого Сфинкса – как отличную мишень для пустых бутылок из-под содовой, в то время как, быть может, самое значительное для него разочарование заключается в том, что гранитный камень, из которого вытесан древний монстр, слишком твёрд для того, чтобы нацарапать на нём своё выдающееся имя. Это правда, что существует некое наказание для любого человека или людей, кто попытается преуспеть в столь желанном деле, – штраф или бастонада¹; и всё-таки ни штраф, ни бастонада не устрасили бы туриста, если бы только ему удалось нацарапать хотя бы слово «Арри» на челюсти Сфинкса. Но не получается – и в этом все его страдания. Иными словами, он ведёт себя в Египте, как в Маргит²: демонстрируя не больше внимания, интереса и благоговения, чем это характерно для его далёкого Обезьяньего предка.

Принимая его в целом, он, однако, не хуже и в некотором отношении даже лучше, чем «чванные» люди, которые «поживают» в Египте, или, скорее, лениво соглашаются «поживать» в Египте. Это те люди, которые ежегодно уезжают из Англии под предлогом неспособности переносить весёлую, морозную и во всех отношениях здоровую зиму их родной страны – ту

¹ Средневековое телесное наказание в виде побивания твёрдым предметом – палками или плоскими дощечками по спине, ягодицам или подошвам ног.

² Маргит – мелкий исторический городок в Великобритании, древний, но нисколько не интересный.

зиму, что с её дикими ветрами, сверкающими инеем и снегом падубами с ярко-алыми ягодами, весёлыми охотниками, скачущими по полям и болотам в дневные часы, и с её прекрасными дровяными каминами, ревущими пламенем в печных трубах по вечерам, – была достаточно хороша для их праотцов, чтобы процветать и жить в довольстве до поры бодрой старости в те времена, когда лихорадка переездов с места на место была ещё неизвестной болезнью, а дом был и в самом деле «милым домом».

Поражённые странными недугами крови и нервов, которым даже врачи-исследователи едва ли находят подходящие имена, они трясутся при первом же дуновении ветерка и заполняют гигантские чемоданы тысячами бестолковых вещиц, которые от привычки к роскоши стали необходимостью для их бледных обладателей; они поспешно отбывают в Солнечные Земли, увозя с собой их безымянные немощи, недомогания и неизлечимые заболевания, от которых само Небо и тем более Египет не смогли бы подобрать лекарства. И вовсе нечего удивляться, что эти физически и нравственно больные племена человеческого рода забросили всякое серьёзное внимание к своей вероятной загробной участи или к тому, есть ли вообще какое-то продолжение, поскольку они находятся в состоянии нравственной комы, которое влечёт за собой полный крах умственных способностей; само существование стало «скукой»; одно место подобно другому, и они повторяют один и тот же монотонный круг жизни в каждом месте, где они собираются, будь это восток, запад, север или юг. На Ривьере они находят немного занятий, кроме как встречаться у Румпельмайера в Каннах, в Лондонском Доме в Ницце или в Казино Монте-Карло; и в Каире они снова и снова открывают лондонский сезон в миниатюре, который движется по одной и той же колее ужинов, танцев, пикников, флиртов и помолвок. Но каирский сезон имеет, может быть, некое преимущество перед лондонским, раз он состоит из «чванной» публики, которая в нём заинтересована, – он меньше нарушает приличия. Здесь располагаешь «большой свободой», знаете ли! Можно прогуляться в Древний Каир и, завернув за угол, заметить проблески того, что Марк Твен называет «восточной простотой», а именно, живописные компании «уважаемых прелестных» арабов, чья одежда не сложнее того, что первобытная традиция предписывает им носить в качестве строгой необходимости. Этот тип «живых картин» или «художественных зарисовок» порождает некий трепет перед новизной у английского общества в Каире, придаёт налёт дикарства и напоминает о той самобытности, что полностью отсутствует в модном Лондоне. Ещё нужно вспомнить, что «дети пустыни» были постепенно подведены к пониманию того, что за укрывательство иностранной саранчи, завезённой в их землю Куком, и подобных ей прочих иностранных неклассифицированных насекомых по имени Высшая Десятка, которая появилась сама собой, – они получают свои «барыши».

«Барыш» – это определённый источник благополучия для всех народов, который переводится на все языки приятнейшим благозвучием, и рождённые в пустыне племена со своей стороны бывают справедливыми, когда требуют их столько, сколько могут вытянуть всеми правдами и неправдами. Они заслуживают некой выгоды от странного вида роёв западных захватчиков, которые удивляют их своей одеждой и оскорбляют своими манерами. «Барыши» поэтому превратились в постоянный крик уроженцев пустыни – это единственное средство для выражения обиды и для защиты, оставленное им, так что вполне естественно, что они цепляются за него с решительной яростью. И кто их обвинит? Высокий, таинственный, задумчивый араб, не похожий на простого человека и стоящий босяком на своей родной песчаной земле, в единственном грубом одеянии, ниспадающем вокруг его чресл, и с огромными чёрными глазами, по-орлиному прямо встречающими солнце, – заслуживает значительной компенсации за то, что снисходит до работы гидом и слугой у западного богатого гражданина, который прикрывает свои нижние конечности прямой как трубы оболочкой, по форме напоминающей ноги слона, и завершает свой изящный образ, оборачивая остальное тело в жёсткую рубашку, в которой он едва может двигаться, и в квадратного покроя пальто, которое аккуратнo разделяет его

надвое одной прямой линией как раз над коленом, зрительно укорачивая его рост на несколько дюймов. Сын пустыни смотрит на него строго и с гражданским состраданием, иногда с молитвой против такого безобразия, но в целом терпеливо и хладнокровно, оценивая его потенциальные «барыши». И английский сезон кружится лёгкой дымкой, как взбитая яичная пена, над мистической землёй древних богов – ужасной землёй, исполненной мрачных, всё ещё неразгаданных тайн, – землёй, «осеяемой крылами», как гласит Библия, – землёй, в которой похоронены ужасающие неизвестные истории, глубокие сверхъестественные тайны, лабиринты чудес, кошмаров и загадок, – которые все остаются сокрытыми от пустоголовой, танцующей, жрущей, бормочущей толпы стильных путешествующих безумцев сегодняшних дней, – от людей, которые «никогда не задумываются, чтобы не утруждать себя», – людей, чья единственная цель – мотаться по отелям и впоследствии сравнивать их с отелями их знакомых на предмет того, какой повар приготовил им лучшее блюдо. Поскольку это примечательный факт, что для большинства гостей «видных» мест Европы и востока еда, постельные и эгоистичные персональные удобства являются первостепенными; пейзажи и общество следуют последними. Раньше дела обстояли наоборот. Во времена отсутствия железных дорог и когда бессмертный Байрон писал своего «Чайлд Гарольда», привычным делом было легко переносить личные неудобства; красота исторического места была главной целью путешественника, и никаких приготовлений не делалось для его особенной персоны и пищеварительного аппарата. Байрон мог спать на палубе плывущего корабля, завернувшись в свой плащ и не ощущая по этому поводу никакого неудобства; его прекрасный ум и стремительный дух витали над всеми телесными неудобствами; его мысль отягчали могучие учения времени; он был способен потерять себя в славных грёзах об уроках прошлого и возможностях будущего; он обладал вдохновенным отношением Мыслителя, равно как и Поэта, и корочки хлеба и сыра ему было достаточно в его путешествии по тогда ещё не тронутым долинам и горам Швейцарии, подобно тому, как горячая, жирная, неудобоваримая пища сложных меню ресторанов в Люцерне и Интерлакене служит нам сейчас. Но мы, в нашем «высокоразвитом» состоянии, плюём на Байроновский дух неприветливости и презрения к пустякам; мы устраиваем из них мелодрамы, полностью забывая, что наше отношение к себе и к вещам в общем одно из самых сопливо-жалобных. Мы не способны написать «Чайлд Гарольда», но мы можем ворчать по поводу и постели, и пола в каждом отеле под солнцем; мы можем отыскивать надоедливых комаров в воздухе и сомнительных насекомых в комнатах; и мы можем оспаривать каждый счёт, предъявленный нам, с усердной настойчивостью, которая почти доводит до безумства как хозяев, так и нас самих. В этого рода важных вещах мы и в самом деле «превосходим» Байрона и других подобных философов-мечтателей, но мы не производим «Чайлд Гарольдов», и мы подошли к странному заключению, что дон Жуан вульгарен, в то время как алчно зачитываемся Золя! На такую вот высоту подняла нас наша культура! И как фарисей в Евангелии, мы благодарим Бога за то, что мы не такие, как все прочие люди. Мы рады, что не такие, как арабы, африканцы, индусы; мы гордимся нашими слоновьими ногами и нашей разделяющей линией пальто; эти вещи свидетельствуют о нашей цивилизованности и о том, что Бог одобряет нас больше, чем любой другой вид созданий. Мы принимаем на себя владение народами на правах не грома войны, а звона обеденных тарелок. Мы не поднимаем армии, а строим отели; и мы оседаем в Египте, как и в Гамбурге, чтобы одеваться, и ужинать, и спать, и одобрительно сопеть на всё вокруг нас до такой степени, что уже почти привыкли называть коренных жителей мест, которые узурпируем, «иностранцами». Мы и есть иностранцы, но каким-то образом всегда об этом забываем. Как только мы соблаговолим построить отели, то сразу же называем эту местность своей. Мы поражаемся дерзости франкфуртцев, которые претендуют на отдых в Гамбурге, пока там длится наш «сезон»; мы удивляемся, как они смеют это делать! И, по правде сказать, они и сами, кажется, поражаются собственной смелости и застенчиво пробираются по «Кургартен», словно боясь оказаться вышвырнутыми охраной вон. То же самое происходит и в Египте; мы часто изумляемся тому,

что называем «дерзостью этих иностранцев», то есть коренных жителей. Мы считаем, что они должны гордиться тем, что принимают нас и наши слоновьи ноги; радоваться при виде таких благородных и прекрасных представителей цивилизации, как тучный выскочка с его отвисшим пузом и с его семьёй, состоящей из неуклюжих юношей и длинноногих девушек с огромными зубами; радоваться при виде английской «мамаши», которая никогда не стареет, а носит молодежавые причёски с невинными завитками и чьи морщины ежегодно «разглаживают» парижские искусники. Сын пустыни, говорим мы, должен быть счастливым и благодарным при виде всего этого и не требовать слишком больших «барышей». Фактически, сын пустыни не должен получать так много, как это заведено; он очень хороший слуга, конечно, но как человек и брат – тьфу! Египет может быть его страной, и он может любить её, как мы любим Англию, но наши чувства важнее, чем его, и нет никакой связующей симпатии между Слоновьями Ногами и сожжённой солнцем Наготой!

Так в конечном итоге рассуждал сер Четвинд Лайл, дородный джентльмен грубого сложения и с грубой физиономией, сидя в глубоком кресле в главном холле, или лоджии, отеля «Джезире Палас», покуривая после обеда в компании двоих или троих товарищей, с которыми сдружился во время пребывания в Каире. Сер Четвинд любил выражать вслух свои мнения на радость как можно большему числу слушателей, которые удосуживались ему внимать, и сер Четвинд имел некоторое право на свои мнения, поскольку он был редактором и собственником огромной лондонской газеты. Его титул был озвучен совсем недавно, и никто толком не знал, как он умудрился его заполучить. Изначально он был известен на Флит Стрит под непочтительным прозвищем «жирный Четвинд», которое происходило от его тучности, маслянистости и общего впечатления вежливо-бессмысленной доброжелательности. У него была жена и две дочери, и одной из его целей было выдать замуж своих драгоценных детей во время зимовки в Каире. Время пришло, поскольку цвет уже медленно покидал прекрасных девочек-розов, тонкие лепестки изящных бутонов начинали увядать. И сер Четвинд немало слышал о Каире; он понимал, что огромная свобода была здесь дозволена в отношениях между мужчинами и девушками; что они вместе выезжали на экскурсии к пирамидам, что ездили на низкорослых осликах по пескам под луной, что они совершали на Ниле лодочные прогулки по вечерам и что, короче говоря, было больше возможностей для брака среди глиняных горшков Египта, чем в суете и шуме Лондона. Так что он устроился здесь сыто и удобно и в целом полностью довольный своей вылазкой; вокруг было много завидных холостяков, и Мюриэл и Долли искренне старались во всю. Как и их мать – леди Четвинд Лайл; она не выпускала ни одного «завидного жениха» из поля своего ястребиного зрения, и в этот самый вечер она предстала во всей своей прелести, поскольку намечался костюмированный бал в «Джезире Палас»: превосходное мероприятие, устроенное хозяевами ради развлечения их доходных гостей, которые, конечно же, прекрасно платили – можно даже сказать, скрупулёзно. Благодаря приготовлениям, которые уже развернулись к этому празднику, лоджия, с её великолепными египетскими декорациями и роскошными современными удобствами, стояла почти безлюдной, не считая сера Четвинда и его небольшой компании друзей, перед кем он разглагольствовал в перерывах между неспешно выпускаемыми облачками дыма по поводу убожества арабов, пугающего воровства шейхов, некомпетентности его личного переводчика и ошибочности мнения тех людей, которые считали египтян хорошим народом.

– Они, конечно, высокие, – сказал сер Четвинд, оглядывая свой свободно отвисающий живот, подобный подпоясанному воздушному шарик. – Я допускаю, что они высокие. Это так – большинство из них таковы. Но я замечал и низкорослых среди них. Хедив не выше меня. И лицо египтянина очень обманчивое. Черты нередко красивые, случайным образом классические, однако умное выражение отсутствует напрочь.

Здесь сер Четвинд выразительно помахал сигарой, как будто он охотнее предположил бы, что тяжёлая челюсть, толстый нос с прыщом на кончике и широкий рот с чёрными зубами

внутри, которые были выдающимися особенностями его собственной физиономии, изображали более «умное выражение», чем любой характерный, прямой, восточный тип загорелого лица, когда-либо виденный или изображённый.

– Я, вообще-то, не вполне с вами в этом согласен, – сказал человек, который растянулся во весь рост на диване с сигарой. – У этих загорелых ребят чертовски красивые глаза. И мне не кажется, что им не достаёт какой-то выразительности. И это мне напоминает того, вновь прибывшего сегодня товарища, который всем кажется египтянином самого лучшего сорта. Хотя на самом деле он и француз, провансалец; его все знают – это знаменитый художник Арман Джервес.

– В самом деле! – и сер Четвинд приподнялся при этом имени. – Арман Джервес! Сам Арман Джервес?

– Собственной персоной, – засмеялись остальные, – он приехал сюда, чтобы изучать восточную женщину. Редкостную старомодность найдёт он среди них, смею заметить! Он не пока славится портретами. Ему следует нарисовать принцессу Зиска.

– А кстати, я хотел вас спросить об этой леди. Кто-нибудь знает, кто она? Моя жена страстно жаждет выяснить, насколько она – ну, эээ... – благопристойная личность, знаете ли! Когда у тебя молодые дочери, то нельзя не быть осторожным.

Росс Кортни, человек на диване, медленно поднялся и потянул свои длинные мускулистые руки, лениво наслаждаясь этим действием. Он был спортивной личностью с неограниченными возможностями и огромными владениями в Шотландии и Ирландии; жил он радостной, беспечной жизнью бродяги по всему миру в поисках приключений, и он испытывал презрение к общественным условностям – в том числе и к газетам, и к их издателям. И когда бы сер Четвинд ни заговорил о своих «молодых дочерях», у него прорывалась непочтительная улыбка, поскольку он знал, что младшей из них было уже почти тридцать. Он также узнавал и избегал коварных ловушек и подводных камней, расставленных для него леди Четвинд в надежде на то, что он сдастся в плен очарованию Мюриэл или Долли; и теперь, когда он думал об этих двух красотках и невольно сравнивал их в уме с другой женщиной, о которой они только что говорили, улыбка, что уже начала появляться на его губах, стала бессознательно расширяться, пока его красивое лицо не засияло почти весельем.

– Честное слово, я не думаю, что это имеет значение в Каире! – сказал он с прелестным легкомыслием. – Люди из несомненно уважаемых семей менее благонадёжны, чем те, о которых никто не знает. А что до принцессы Зиска, то её сверхъестественная красота и ум открыли бы ей двери куда угодно, даже если бы у неё не было денег, которые перевешивают все эти качества.

– Она исключительно богата, как я слышал, – сказал молодой лорд Фалкворд, второй из компании ленивых курильщиков, поглаживая свои едва заметные усики. – Моя мать считает, что она разведена.

Сер Четвинд поглядел очень серьёзно и торжественно покачал своей жирной головой.

– Что же, нет ничего особенного в том, чтобы быть в разводе, знаете ли, – рассмеялся Росс Кортни. – В наши дни это представляется естественным и разумным итогом брака.

Сер Четвинд всё равно выглядел мрачным. Он отказывался вступать в подобный дерзкий разговор. Он, в любом случае, был солидный и женатый, и он не испытывал никакого сочувствия к огромному множеству людей, чей брак оказался ошибкой.

– Так значит, принца Зиска не существует? – спросил он. – Это имя звучит так, будто имеет русское происхождение, и я думал, – как и моя жена, – что муж этой леди мог бы запросто оставаться в России, в то время как здоровье его жены могло бы вынудить её зимовать в Египте. Думаю, зима в России сурова.

– Это стало бы весьма разумным раскладом, – зевнул лорд Фалкворд, – но моя мать так не думает. Моя мать думает, что нет вообще никакого мужа, что его никогда и не было.

Фактически, моя мать имеет по этому поводу очень серьёзное предубеждение. Но моя мать всё равно старается навещать её.

– Правда? Леди Фалкворд на это решилась? Ох, что же, *в таком случае!* – и сер Четвинд раздул свой воздушный шар, что пониже груди. – Конечно, леди Четвинд Лайл не будет более щепетильной в этом вопросе. Если леди Фалкворд бывает у принцессы, то не может быть никаких сомнений по поводу её нынешнего общественного *положения*.

– Ох, я не знаю! – пробурчал лорд Фалкворд, поглаживая свои пушистые губы. – Видите ли, моя мать – весьма необычная личность. Когда губернатор был жив, она едва ли выходила хоть куда-нибудь, знаете ли, и все, кто заходил к нам домой в Йоркшире, должны были предоставлять ей свои родословные, так сказать. Это была зверская скука! Но теперь моя мать принялась за «изучение характеров»; она любит все типы людей из её окружения, и чем более они перемешаны, тем более она ими довольна. Это факт, уверяю вас! Значительная перемена произошла в моей матери с той поры, как старый губернатор умер!

Росса Кортни это, казалось, позабавило. Перемена и вправду совершилась в леди Фалкворд – перемена внезапная, таинственная и удивительная для многих из её прежних избранных друзей с «родословной». При жизни её мужа её волосы имели мягкий серебристо-серый цвет; её действия были обдуманнными и сдержанными; но два года спустя после смерти добродушного и благородного лорда, который берёт её как зеницу ока и до последнего вздоха считал её самой прекрасной женщиной в Англии, она появилась с золотыми косами, персиковым цветом лица и фигурой, которую тщательно массируют, натирали, разминали и искусственно утягивали до состояния положительного подобия сильфы. Она танцевала как фея, – она, кого ещё недавно называли «старой» леди Фалкворд, она курила сигареты, она смеялась как ребёнок над каждой банальностью, – любой шутки, даже грубой, плоской и неловкой, было достаточно для того, чтобы зажечь её лёгкую импульсивность весельем; и она флиртвала – о, небеса! – как она флиртвала! – мастерски, грациозно, со знанием дела и с апломбом, которые почти доводили Мюриэл и Долли Четвинд Лайл до бешенства. Они, бедняжки, оказались напрочь выбитыми с поля битвы её превосходным тактом и искусством организации «обороны», и они соответственным образом ненавидели её и называли между собой «чудовищной старухой», какой, быть может, она и представляла в тот момент, когда её служанка раздевала её. Однако она проводила исключительно «приятное время» в Каире; она называла своего сына, обладавшего слабым здоровьем, «мой бедный дорогой маленький мальчик!», а он, хоть ему и стукнуло двадцать восемь в последний день рождения, съёжился до такого отчаянного положения подневольника под её напористостью, наглой весёлостью и общей фривольностью поведения, что не мог и рта раскрыть без упоминания о «моей матери», используя «мою мать» в качестве колышка, на который нанизывал свои личные мнения и эмоции, равно как и мнения и эмоции прочих людей.

– Леди Фалкворд весьма восхищена принцессой, я полагаю? – сказал последний бездельник, который прежде молчал.

– Ох, так и есть! – и лорд Фалкворд оживился, выказав некий слабый прилив энергии. – А кто бы ею не восхищался? Во имя Юпитера! Только я вам вот что скажу: есть нечто странное в её глазах. Факт! Мне не нравятся её глаза.

– Заткнись, Фалк! У неё прекрасные глаза! – истово прыснул Кортни, затем, вдруг вспыхнув, он закусил губу и замолчал.

– У кого это прекрасные глаза? – внезапно спросил тихий, грубоватый голос, и низкорослый худой джентльмен, одетый в какое-то подобие студенческого платья и кепку, появился на сцене.

– Алло! это же наш F.R.S.A³! – вскричал лорд Фалкворд. – Во имя Юпитера! Это вы сами себе такой костюмчик придумали на сегодня? Выглядит чертовски умно, знаете ли!

Таким образом отрекомендованный персонаж снял свои очки и оглядел товарищей с очень довольным видом. По правде, доктор Максвелл Дин имел определённые причины для самодовольства, если только сознание того, что он обладает одним из лучших умов Европы, может стать поводом для гордости у мужчины. Он был, очевидно, единственным человеком в «Джезире Палас», который прибыл в Египет с некоей серьёзной целью. Цель у него имелась, однако в чём она состояла, он никому не удосуживался объяснить. Немногословный, часто резкий и порой загадочный в своей манере общения, он не подавал ни малейшего сомнения в том, что над чем-то работал и что он также имел привычку очень пытливо исследовать каждый предмет, и незначительный и важный, который попадал в поле его внимания. Он изучил коренных жителей так подробно, что знал каждый оттенок их кожи; он изучил сера Четвинда Лайла и понял, что тот при случае брал взятки за то, чтобы «всё уладить на бумаге»; он изучил Мюриэл и Долли Четвинд Лайл и предвидел, что они никогда не добьются замужества; он изучил леди Фалкворд и счёл её прекрасно сохранившейся в её шестьдесят лет; он изучил Росса Кортни и понял, что тот до конца жизни будет только убивать животных и больше ничего; и он изучил работу отеля «Джезире Палас» и оценил значительные прибыли, которые с него получали собственники. Но отдельно от всех этих простых поверхностных вещей он изучал и другие вопросы – «окультурные» особенности характера, «случайности», странные происшествия в целом. Он прекрасно читал египетские иероглифы и видел разницу между «королевским картушем» со скарабеем и таким же, но изготовленным в Бирмингеме. Он никогда не скучал, у него была куча работы, и он брался за каждое возникающее дело в порядке очереди. Даже костюмированный бал, для которого он теперь нарядился, не представлялся ему «скукой», но ещё одним источником информации, который откроет ему свежий взгляд на представителей homo в свете состояния эксцентриситета.

– Я думаю, – говорил он теперь, – что кепка и одеяние выглядят неплохо для человека моего возраста. Это простой наряд, но весёлый, удобный и не пошлый. Я вначале подумывал о том, чтобы надеть облачение древнеегипетского жреца, но нашёл слишком сложным отыскать полный комплект. Я бы никогда не надел костюма, который бы не соответствовал досконально историческому прототипу.

Никто не улыбнулся. Никто бы не посмел ухмыляться доктору Максвеллу Дину, когда он говорил об «исторических соответствиях». Он изучил их подобно тому, как изучал всё остальное, и знал о них всё.

Сер Четвинд пробормотал:

– Весьма верно – ээ – древние образы были очень замысловатыми...

– И символичными, – закончил доктор Дин. – Символичными в весьма любопытном плане, уверяю вас. Но я боюсь, что прервал ваш разговор. Мистер Кортни говорил о чьих-то прекрасных глазах; кто же эта загадочная красавица?

– Принцесса Зиска, – сказал лорд Фалкворд. – Я говорил, что мне не слишком по душе выражение её глаз.

– Почему же? Почему же? – спросил доктор с неожиданным интересом. – Что с ними не так?

– Всё дело вот в чём, – ответил Росс Кортни с натянутым смехом: – они слишком очаровательные и дикие для Фалкворда, ему больше нравятся английские бледно-голубые, чем египетские чёрные, как у газели.

³ F.R.S.A. – приставка к имени человека, который состоит в Королевском обществе искусств («Fellows of the Royal Society of Arts», англ.).

– Нет, не нравятся, – сказал лорд Фалкворд, говоря более оживлённо, чем обычно. – Я ненавижу бледно-голубые глаза. Предпочитаю мягкие фиолетово-серые, как у мисс Мюррей.

– Мисс Хелен Мюррей – весьма очаровательная молодая леди, – сказал доктор Дин, – но её красота вполне ординарного типа, в то время как у принцессы Зиска...

– Она *экстра*ординарная – точно! Это именно то, о чём я и говорю! – заявил Кортни. – Думаю, она прекраснейшая женщина из всех виденных мною.

Наступило молчание, во время которого доктор переводил взгляд любопытного хорька с одного мужчины на другого. Сер Четвинд Лайл тяжеломерно поднялся из глубин своего кресла.

– Я думаю, – сказал он, – что мне бы лучше пойти переодеться в мою униформу – Виндзора, знаете ли! Я всегда вожу её с собой, куда бы ни ехал; она удачно пригождается мне на причудливых балах вроде этого сегодняшнего, когда костюм не отмечен какой-то определённой эпохой. Не о том ли это времени, к которому все мы принадлежим?

– Судя по моей жизни, думаю да! – согласился лорд Фалкворд. – Я появлюсь в костюме неаполитанского рыбака! Не думаю, что неаполитанские рыбаки когда-то одевались так, как я сегодня, но это общепринятый сценический образ, знаете ли!

– Ах! смею заметить, вы в нём выглядите прекрасно, – пробормотал Росс Кортни неразборчиво. – Алло! а вот и Дензил Мюррей!

Все они инстинктивно повернулись в сторону входа к красивому молодому человеку, одетому в живописный наряд, который носила флорентийская знать во времена процветающего царствования Медичи. Этот костюм восхитительно соответствовал своему хозяину, который, имея серьёзное, почти суровое выражение лица, нуждался в ярких бриллиантах и в лоске бархата и сатина, чтобы подчеркнуть классические черты его прекрасной головы и усилить блеск его задумчивых, мрачно-пылких глаз. Дензил Мюррей был чистокровным горцем: прямые брови, строгие губы, прямой, бесстрашный взгляд – всё выказывало в нём сына коронованных вереском гор и потомка гордых рас, которые презирали «sassenach»⁴ и сохранили достаточно того пыла их ранних финикийских предков, чтобы быть способными на крайнюю ненависть и на крайнюю любовь в самых сильных её проявлениях. Он медленно двигался к группе мужчин, ожидавших его приближения, с видом скрытого высокомерия; быть может, он осознавал свою красоту, но было равным образом очевидно, что он не желал становиться объектом дерзких замечаний. Его друзья молча это заметили, и только лорд Фалкворд, движимый добродушным порывом восхищения, отважился прокомментировать его вид.

– Я скажу, Дензил, что вы чертовски хорошо выглядите! Чертовски! Великолепно!

Дензил Мюррей кивнул с несколько усталым и насмешливым видом.

– Когда ты в Риме или в Египте, то должен поступать, как поступает Рим или Египет, – сказал он легкомысленно. – Если хозяева отелей зададут костюмированные балы, то необходимо быть на высоте. Вы прекрасно выглядите, доктор! Почему бы вам не предложить ребятам пойти и надеть их театральные костюмы? Уже больше десяти вечера, а принцесса Зиска пребудет к одиннадцати.

– Ещё и другие люди приезжают, помимо принцессы Зиска, не так ли, мистер Мюррей? – спросил сер Четвинд Лайл с оттенком ненавязчивого подтрунивания.

Дензил Мюррей бросил на него презрительный взгляд.

– Надеюсь, что приезжают, – ответил он прохладным тоном, – иначе, этот бал едва ли окупится. Но принцесса несомненно самая прекрасная женщина Каира в этом сезоне, она, естественно, станет центром всеобщего внимания. Вот почему я упомянул, что она будет здесь в одиннадцать.

– Это она вам сказала? – спросил Росс Кортни.

⁴ Англичан (шотл., ирл.)

– Да.

Кортни поднял взгляд, а затем опустил его и, казалось, хотел сказать что-то ещё, но передумал и в итоге отошёл в сторону, вслед за лордом Фалквордом.

– Я слышал, – сказал доктор Дин, обращаясь к Дензилу Мюррею, – что великий прославленный художник приехал в этот отель, – Арман Джервес.

Лицо Дензила немедленно озарилось довольной улыбкой.

– Это мой самый лучший друг! – сказал он. – Да, он здесь. Я встретился с ним на улице сегодня днём. Мы очень давние приятели. Я гостил у него в Париже, а он гостил у меня в Шотландии. Очаровательный парень! Он совершенный француз по своему образу мысли, но прекрасно знает Англию и свободно говорит по-английски.

– Француз по своему образу мысли! – повторил сер Четвинд Лайл, который собирался уже покинуть лоджию. – Чёрт меня подери! Это как?

– Он француз, – мягко сказал доктор Дин, – поэтому то, что его образ мысли соответствует французскому, не должно нас удивлять, мой дорогой сер Четвинд.

Сер Четвинд фыркнул. У него возникло подозрение, что над ним – главным редактором и собственником «Дейли Дайал» – насмеялись, и он сразу же вскочил на своих породистых коней Британской Нравственности.

– Француз или не француз, – заметил он, – но идеи, провозглашаемые во Франции в настоящее время, исключительно богохульные и зловерные. В них чувствуется недостаток принципа, нехватка нравственности в – ээ – французской прессе, например, что весьма плачевно.

– А английская пресса непорочна? – вяло поинтересовался Дензил.

– Мы очень на это надеемся, – отвечал сер Четвинд. – Мы делаем всё возможное, чтобы этого добиться.

И на этом замечании он подобрал свой живот и самого себя, собираясь удалиться и оставляя доктора Дина и молодого Мюррея наедине, – неповторимую парочку в контрасте их внешнего вида и одежды, – один был низенький, худой и жилистый в обычного кроя свободно струящемся студенческом наряде; другой – высокий, коренастый и мускулистый, одетый в богатый костюм средневекового флорентийца и смотревший на весь мир, как на прекрасную картину той эпохи, из которой он вышел в своём костюме. На секунду между ними воцарилось молчание, затем доктор заговорил негромким голосом:

– Это не годится, мой дорогой мальчик, уверяю вас, это никуда не годится! Вы разобьёте своё сердце о мечту и сделаете себя несчастным напрасно. И точно так же вы разобьёте сердце и своей сестры; вероятно, об этом вы не подумали?

Дензил упал в только что освободившееся кресло сэра Четвинда и испустил вздох, который был почти стоном.

– Хелен ещё ни о чём не знает – пока, – сказал он хрипло. – Да я и сам ничего не знаю – откуда мне знать? Я ни слова ещё не сказал *ей*. Если бы я высказал всё, что было у меня на уме, смею предположить, что она бы надо мной посмеялась. Вы единственный, кто разгадал мой секрет. Вы видели меня прошлой ночью, когда я... когда я провожал её до дома. Но я и шагу не ступил за порог её дома – она бы не позволила. Она пожелала мне доброй ночи снаружи; слуга открыл дверь, и она исчезла за дверьми, как призрак или ведьма. Иногда я воображаю, что она *и есть* призрак. Она такая бледная, такая воздушная, такая тихая и такая прекрасная!

Он отвёл взгляд, устыдившись тех чувств, что переполняли его. Доктор Максвелл Дин снял свою студенческую кепку и осмотрел её внутренности, словно считал это очень важным.

– Да, – проговорил он медленно, – я порой и сам так думаю о ней.

Дальнейший разговор оказался прерван появлением военного оркестра этого вечера, который пересекал лоджию и где каждый человек нёс собственный инструмент с собой; и за ними следовали различные группы разодетых людей, все готовые и нетерпеливые перед

началом бала. Пьеро и монахи в опущенных капюшонах, девушки-цветочницы, водоносы, символические фигуры «Ночи» и «Утра» смешивались с подделками нынешних и уже погибших королей и королев и начинали стекаться вместе, смеясь и болтая по пути в бальную залу; и теперь среди них появился человек, чьи выдающиеся рост и телосложение, в сочетании с его в высшей степени живописной полудикой красотой, заставляли всех поворачивать головы и смотреть на него, когда он проходил мимо, и перешёптываться, отпуская различные комментарии по поводу его отличия от них самих. Он нарядился по случаю бала в вождя бедуинов, и его пылкие чёрные глаза и сильно выющиеся тёмные волосы, в сочетании с естественным оливковым оттенком лица, прекрасно подчёркивали белоснежные складки его тюрбана и белизна всего костюма, которая не нарушалась никакими другими цветами, кроме как в талии, где алый блеск излучал кушак, который удерживал убийственного вида кинжал и другие соответствующие виды оружия нападения у него на поясе. Он вошёл в холл быстрым, неповторимо лёгким шагом и направился прямо к Дензилу Мюррею.

– Ах! вот вы где! – сказал он по-английски с лёгким иностранным акцентом, который скорее радовал слух. – Но, мой превосходный мальчик, какое чудо! Костюм Медичи! Не говорите мне, что это пустяки; вы так же хорошо отдаёте себе отчёт о своей красоте, как и любая женщина. Посмотрите на меня – как я прост и скромн!

Он рассмеялся, и Мюррей подпрыгнул с кресла, в котором до этого уныло возлежал.

– О, клянусь, мне это нравится! – воскликнул он. – Просто и скромно! Почему же все плятятся на вас теперь, будто вы прибыли с луны! Вы не можете быть Арманом Джервесом и одновременно простаком и скромником!

– Почему бы и нет? – просто спросил Джервес. – Слава капризна, и труба её недостаточно громка, чтобы услышал сразу весь мир. Почтенный хозяин грязного базара, где я ухитрился приобрести сии очаровательные атрибуты костюма бедуинов, никогда в жизни обо мне не слышал. Несчастный человек! Он не знает, что потерял!

Тут его сияющие чёрные глаза внезапно обратились к доктору Дину, который «изучал» его в таком же настойчивом стиле, как он обычно изучал всё.

– Это ваш друг, Дензил? – спросил он.

– Да, – с готовностью отвечал Мюррей, – очень хороший друг – доктор Максвелл Дин. Доктор Дин, позвольте представить вам Армана Джервеса, он не нуждается в моих дальнейших рекомендациях!

– В самом деле, не нуждается! – сказал доктор с церемонным поклоном. – Его имя обладает вселенской славой.

– Не всегда в этом есть одни только преимущества – в этой вселенской славе, – ответил Джервес. – Не правда и то, что всякая слава обязательно является вселенской. Быть может, единственный живший человек, известный по всей вселенной, по крайней мере, по имени, это был Золя. Человечество единодушно в оценке порока.

– Не могу полностью согласиться в этом с вами, – медленно проговорил доктор Дин, не спуская пристального взгляда с отважного, гордого лица художника, исполненного исключительного любопытства. – Французская Академия, я полагаю, подходит индивидуально в оценке человеческих слабостей, как и большинство людей; но, взятых вместе, некий дух, более возвышенный и сильный, чем их собственный, держит их в единодушном отрицании пресловутого Реалиста, кто жертвует всеми канонами искусства и красоты в угоду обсуждению неприличных тем в приличном обществе.

Джервес натянуто рассмеялся.

– Ох, однажды он прорвётся, можете быть уверенными, – ответил он. – Нет более возвышенного и сильного духа, чем дух натурализма в человеке; и во времена, когда некоторые предрассудки вымрут и слезливое чувство поистрепится, Золя будет назван в числе первых французских академиков даже с большими почестями, чем если бы он преуспел в самом начале. Так

бывает со всеми этими «избранными» телами. Как сказал Наполеон: «Le monde vient a celui qui sait attendre»⁵.

Маленькое лицо доктора теперь отражало самый живой и страстный интерес.

– Вы так уверены в этом, монсеньор Джервес? Вы полностью убеждены в том, что сейчас сказали?

– А что я сказал? Я забыл! – улыбнулся Джервес, зажигая сигарету и лениво её раскуривая.

– Вы сказали: «Нет более возвышенного и сильного духа, чем дух натурализма, в человеке». Вы убеждены в этом?

– А почему нет, конечно! Всецело убеждён! – И великий художник выглядел удивлённым, поскольку не дал никакого ответа. – Натурализм – это природа или вещи, к ней принадлежащие, и нет ничего выше или сильнее, чем природа повсюду и везде.

– А как насчёт Бога? – спросил доктор Дин с любопытством, будто предлагал замечательную головоломку.

– Бог! – Джервес громко рассмеялся. – Пардон! Вы не священник?

– Никоим образом! – И доктор слегка поклонился и протестующе улыбнулся. – Я никаким образом не связан с Церковью. Я доктор права и литературы – всего лишь скромный приверженец философии и науки вообще...

– Философия! Наука! – перебил его Джервес. – И вы спрашиваете о Боге! Parbleu!⁶ Наука и философия уже оставили Его далеко позади!

– Именно! – И доктор Дин довольно потирал руки. – Это ваше мнение? Да, так я и думал! Наука и философия, говоря в комплексе, побили бедного Бога на Его же поле! Ха-ха-ха! Прекрасно, прекрасно! А также смешно! Ха-ха!

И весьма забавный вид был у этого «скромного приверженца философии и науки вообще», поскольку он от смеха раскачивался из стороны в сторону и его маленькие глазки почти исчезли под нависшими бровями в процессе выражения его веселья. И две пересекающиеся линии образовались рядом с тонким ртом – такие линии обычно вырезали на древнегреческих масках, изображавших сатиров.

Дензил Мюррей вспыхнул от неловкости.

– Джервес ни во что не верит, кроме Искусства, – сказал он, будто несколько извиняя своего друга: – Искусство – единственная цель его существования; я не думаю, что у него вообще бывает время задумываться о чём-либо ещё.

– А о чём же ещё должен я задумываться, mon ami⁷? – воскликнул Джервес весело. – О жизни? Она для меня Искусство; и под Искусством я понимаю совершенство и преобразование Природы.

– Ох, если вы так считаете, то вы романтик, – многозначительно заявил доктор Дин. – Природа не совершенствуется и не преобразуется сама собой – она просто Природа и не более того. Неконтролируемое Духом – это что угодно, но только не идеал.

– Именно, – быстро ответил Джервес с некоторой теплотой, – но *мой* дух её совершенствует, моё воображение видит дальше неё, моя душа схватывает её.

– Ох, так у вас есть душа? – вскричал доктор Дин, вновь начиная смеяться. – А как же вы её обнаружили?

Джервес посмотрел на него с неожиданным удивлением.

– Каждый человек имеет внутреннюю сущность от природы, – сказал он. – Мы называем её «душой», выражаясь фигурально, на самом деле это просто нрав.

⁵ «Мир приходит к тому, кто умеет ждать».

⁶ Чёрт возьми!

⁷ Друг мой.

– О, это просто нрав? В таком случае, вы же не думаете, что он скорее всего вас переживёт, что эта душа примет новую форму и продолжит своё существование, путь бессмертия, когда ваше тело окажется в значительно худшем состоянии (потому что в меньшей степени сохранится), чем египетская мумия?

– Конечно нет! – и Джервес отбросил прочь свою истлевшую сигарету. – Бессмертие души – вовсе не подтверждённая гипотеза. Она всегда была смехотворной. У нас достаточно поводов для беспокойства в этой настоящей жизни, так зачем же человек вечно стремится изобрести что-то большее, чем сам способен объяснить? А это было самым глупым варварским суеверием.

Звуки весёлой музыки витали теперь вокруг них, доносясь из бальной залы, – струны изящного, радостного, наполовину призывного, наполовину молящего вальса ритмично распространялись в эфире, как размеренные взмахи крыльев; и Дензил Мюррей, впадая в беспокойство, шагал из стороны в сторону, ощупывая взглядом каждую фигуру, которая появлялась и исчезала в холле. Но интерес доктора Дина к Арману Джервесу оставался ярким и неустанным; и, подойдя к нему, он приложил два тонких пальца к белым складкам платья бедуинов как раз в том месте, где у человека скрывается сердце.

– Глупое варварское суеверие! – повторил он медленно и задумчиво. – Вы не верите в возможность того, что вот здесь есть жизнь – или несколько жизней – после нынешней смерти, через которую мы все должны неминуемо пройти рано или поздно?

– Нисколько! Я оставляю подобные идеи невежам и неучам. Я был бы недостоин прогрессивных знаний своего времени, если бы верил в такие отъявленные глупости.

– Смертью, вы считаете, кончается всё? Нет ничего за ней – никаких тайн?.. – И глаза доктора Дина загорелись, когда он протянул вперёд одну тонкую худую руку и указал в пустоту при словах «за ней», – действие, которое придало им необычный смысл и на несколько мгновений странное выражение даже легкомысленному лицу Джервеса. Но он просто посмеялся над этим.

– Ничего за ней? Конечно же, нет! Мой дорогой сер, зачем задавать такие вопросы? Ничто не может быть проще и понятнее, чем тот факт, что смертью, как вы говорите, кончается всё.

Смех женщины, тихий и восхитительно музыкальный, задрожал в воздухе при этих словах – приятный смех, похожий на редкую песню, поскольку женщины как правило смеются громко и звук их веселья отсылает скорее к природе гусяного гоготанья, чем к иным типам естественных мелодий. Но этот смех – серьёзный, мягкий и серебристый – был подобен нежной приглушённой каденции, сыгранной на волшебной флейте вдалеке, и выражал не что иное, как прелесть; и при его звуках Джервес сильно вздрогнул и резко обернулся к своему другу Мюррею со взглядом удивления и замешательства.

– Кто это? – спросил он. – Я уже слышал этот прелестный смех раньше – он должен принадлежать кому-то, кого я знаю.

Но Дензил едва ли слышал его. Бледный, с глазами, исполненными тоски и страсти, он смотрел на медленно приближавшуюся группу людей в карнавальных нарядах, которые все нетерпеливо толпились вокруг одной центральной фигуры, – фигуры женщины, одетой в сверкающие золотые ткани и с вуалью до самых глаз в стиле древнеегипетской моды, с драгоценностями, сверкавшими вокруг талии, и с цветами в волосах, – женщины, которая двигалась скользя, будто она скорее парила, чем шла, и чья красота, наполовину сокрытая атрибутами выбранного ею костюма, была такой необычайной и прекрасной, что, казалось, творила вокруг себя атмосферу недоумения и восхищения, когда она шла. Ей предшествовал маленький мальчик-нубиец в костюме живого алого цвета, кто, смиренно пятясь задом, неспешно обмахивал её высоким веером из павлиньих перьев, созданным по подобию причудливых образцов Древнего Египта. Сияние, исходившее от павлиньих перьев, свет её золотых одежд, её драгоценно-

сти и удивительный чёрный блеск её глаз – всё вспыхнуло на мгновение, как внезапная молния перед Джервесом; что-то – он сам не знал что – вскружило голову и ослепило его; едва сознавая что делал, он порывисто выпрыгнул вперёд, когда сразу же ощутил прикосновение маленькой руки доктора Дина к своему плечу и кротко замер в смущении.

– Простите меня! – сказал маленький гений, чуть надменно приподнимая брови. – Но... вы знакомы с принцессой Зиска?

Глава 2

Джервес уставился на него, всё ещё поражённый и смущённый.

– С кем, вы сказали?.. С принцессой Зиска? Нет, я её не знаю... хотя, погодите! Да, думаю, я её видел... где-то в Париже, быть может. Вы меня не представите?

– Я предоставлю эту честь мистеру Дензилу Мюррею! – сказал доктор, складывая руки за спиной. – Он лучше с ней знаком.

И, улыбнувшись своей узкой, мрачной, циничной улыбкой, он поплотнее надвинул свою студенческую кепку на голову и отошёл в сторону, направившись в бальную залу. Джервес стоял в нерешительности, вперив взгляд в ту удивительную золотую фигуру, что плыла перед его глазами, как воздушное видение. Дензил Мюррей вышел вперёд, навстречу принцессе, и теперь говорил с ней: красивое лицо его излучало восторг, которого он и не пытался скрыть. Спустя немного времени Джервес сделал пару шагов в их направлении и уловил отрывок разговора.

– Вы просто верх совершенства египетской принцессы, – говорил Мюррей. – Ваш костюм великолепен.

Она засмеялась. Опять этот сладостный, неповторимый смех! Джервес затрепетал от его вибраций, он отдавался в его ушах и поражал разум странно знакомым эхом.

– Не правда ли, – отвечала она, – я «исторически достоверна», как ваш друг доктор Дин сказал бы? Мои украшения подлинные – все они происходят из одной гробницы.

– Я заметил один недостаток в вашем одеянии, принцесса, – сказал один из дыхателей, который вошёл вместе с ней, – часть вашего лица прикрыта. Это жестоко по отношению ко всем нам!

Она с лёгкостью отмахнулась от комплимента.

– Так было модно в древнем Египте, – сказала она. – Любовь в те давние времена была не та, что теперь, – одного взгляда, одной улыбки было достаточно, чтобы распалить душу огнём и подтолкнуть к ней вторую душу, дабы их обеих пожрал внезапно вспыхнувший огонь! И женщины прикрывали лица в молодости, иначе бы их сочли непристойными за такое очарование; и с возрастом они прикрывались ещё тщательнее, чтобы не навлечь кару бога Солнца в виде морщин. – Она улыбнулась обескураживающей улыбкой, которая вынудила Джервеса невольно приблизиться ещё на пару шагов, словно он находился под гипнозом. – Но я не собираюсь вечно носить вуаль, – и когда она говорила, то опустила её и позволила ей упасть, открыв совершенное лицо, прекрасное как лилия, и такой неотразимой прелести, что мужчины, которые собрались вокруг неё, казалось, задержали дыхание и утратили дар речи при виде него. – Так вам больше нравится, мистер Мюррей?

Дензил побледнел как мел. Склонившись, он пробормотал ей что-то тихим голосом. Она подняла свои очаровательные брови с намёком на удивление, выразив некоторое презрение, и прямо посмотрела на него.

– Вы говорите весьма милые вещи, но они не всегда мне по нраву, – заметила она. – Однако в этом, несомненно, моя вина.

И она начала движение вперёд, а нубийский паж предшествовал ей, как и прежде. Джервес стоял на её пути и встретил её, когда она подошла.

– Представьте меня, – сказал он Дензилу командным тоном.

Дензил посмотрел на него, слегка напуганный сдавленной страстью в его голосе.

– Конечно. Принцесса, простите меня! – Она остановилась с молчаливой грацией и вниманием. – Позвольте мне представить вам моего друга, Армана Джервеса, самого известного художника во Франции; Джервес, принцесса Зиска.

Она подняла свои глубокие тёмные глаза и устремила на него пристальный взгляд, и когда он смело его встретил с каким-то дерзким восхищением, то вновь ощутил то странное головокружение, которое прежде уже раз напугало его. В ней было нечто странным образом знакомое; слабые ароматы, которые, как казалось, исходили от её одежд, блеск скарабея на её груди с драгоценными камнями на крыльях, странный свет инкрустированной изумрудами змеи в её волосах; и более, гораздо более знакомым, чем эти безделушки, было звучание её голоса – сладостное, проникновенное, серьёзное и призрачное.

– Наконец-то мы встретились, монсьеюр Арман Джервес! – проговорила она медленно и с изящным наклоном головы. – Но я не могу смотреть на вас, как на незнакомца, поскольку так давно вас знаю – духовно!

Она улыбнулась странной, ослепительной и одновременно таинственной улыбкой, и что-то дикое и сладострастное, казалось, разожгло кровь Джервеса, когда он коснулся её маленькой ручки, отягчённой огромными египетскими драгоценностями, которую она грациозно подала ему.

– У меня тоже есть ощущение, что мы с вами встречались! – сказал он. – Быть может, в моём сне – во сне о красоте, которой никогда прежде не видал в жизни до сего дня!

Голос его потонул в любовном шёпоте, но она в ответ ничего не сказала, ни вид её не выказал никакого выражения удовольствия или обиды. И всё же через сердце молодого Дензила Мюррея прошёл внезапный укол ревности, и впервые в жизни он осознал, что и между мужчинами, равно как и между женщинами, может возникнуть то, что называется «мелочной завистью» к вероятному сопернику, а также неуклюжее желание затмить такового во всех аспектах внешности, одежды и поведения. Его взгляд задумчиво остановился на высокой, мускулистой фигуре Джервеса, и он отметил его прекрасное телосложение и гибкость с раздражением, которого сам же устыдился. Он знал, несмотря на собственную несомненную красоту, которая отличалась в ту ночь преимуществом богатства выбранного им флорентийского костюма, что вокруг Джервеса витало определённое очарование, бывшее врождённым, – особенность поведения, которая заставляла его выглядеть колоритно в любое время; и что даже когда великий французский художник гостил у него в Шотландии и по случаю нарядился в несколько мешковатый твидовый костюм, люди не могли не заметить, что единственным мужчиной, которому когда-либо удавалось придать твиду художественный вкус, был Арман Джервес. В белом наряде бедуина, который он теперь носил, он выглядел самым лучшим образом; какая-то неутомимая страсть прорывалась сквозь его взгляд и губы, придавая ему вид дикаря, под которого он нарядился, и когда он склонился к руке принцессы Зиска и поцеловал её со странной смесью легкомыслия и благоговения, Дензил вдруг начал думать, насколько любопытной была схожесть этих двоих! Сильный мужчина и прекрасная женщина – оба имеют много общего даже в физической форме: одинаковые тёмные прямые брови, одинаковые полудикие-полунежные глаза, те же грациозные изгибы фигуры, та же особенная лёгкость движений, – и всё же они были очень разными и одновременно похожими. То была не «фамильная схожесть», а выражение лиц или «родство», существующее между расами и племенами; и если бы молодой Мюррей не знал, что его друг Джервес был провансальским французом, и если бы равным образом не предполагал, что принцесса Зиска была русского происхождения, то счёл бы их обоих коренными уроженцами Египта самой чистой крови и высочайшей касты. Он был так поражён этой мыслью, что чуть не высказал её вслух, когда вдруг услышал, как Джервес смело приглашает принцессу на все танцы и, очевидно, собирается написать лишь её имя под всей длинной бальной программой; это была дерзость, которая отрезвила Дензила, заставив его подняться на защиту своих прав.

– Вы же обещали мне первый вальс, принцесса, – сказал он, покраснев.

– Верно! И вы его получите! – отвечала она с улыбкой. – Монсьеюру Джервесу достанется второй. Музыка звучит очень заманчиво, не пора ли нам войти внутрь?

– Мы портим весь эффект вашего появления, когда вот так толпимся вокруг, – сказал Дензил, глядя несколько угрюмо на Джервеса и прочих окруживших её мужчин. – И, кстати, вы так и не объяснили нам, что за образ избрали на эту ночь; какая-то великая королева прошлого, конечно?

– Нет, я не питаю любви к знати, – отвечала она. – Я сегодня оживший образ некогда известной и весьма неподобающей персоны, которая носила половину моего имени, – танцовщицы прошлого, известной как Зиска-Чаровница, – фаворитки в гареме великого египетского воина, о котором рассказывает такая забытая легенда, как «Могущественный Аракс».

Она остановилась; её воздыхатели, очарованные звучанием её голоса, все хранили молчание. Она остановила взгляд на Джервесе и, обращаясь только к нему, продолжила:

– Да, я «Чаровница», – сказала она. – Она была, как я говорю, «неподобающей» личностью, или, вероятно, таковой бы её сочли англичане. Потому что, знаете ли, она никогда не была замужем за Араксом!

Это объяснение, данное с самой скромной наивностью, вызвало смех у слушателей.

– Это не сделало бы её «неподобающей» во Франции, – весело сказал Джервес. – Она бы только стала ещё более интригующей.

– Ах! в таком случае современная Франция – в точности как древний Египет? – спросила она с улыбкой. – А французы могут, вероятно, оказаться подобными Араксу количеством их любовниц и измен?

– Я бы сказал, что моя страна населена абсолютными его копиями, – отвечал Джервес весело. – Был ли он выдающейся личностью?

– Был. Древние легенды гласят, что он был величайшим воином своего времени; как и вы, монсеньор Джервес, величайший художник.

Джервес поклонился.

– Вы мне льстите, прекрасная Чаровница! – сказал он. Затем вдруг, как только странное имя сорвалось с его губ, он отпрянул, будто ужаленный, и на секунду показался ошеломлённым.

– Вас что-то беспокоит, монсеньор Джервес? – спросила она.

Брови его сошлись в одну хмурюю линию.

– Ничего... жара... воздух... пустяки, уверяю вас! Вы не присоединитесь к танцующим? Дензил, музыка вас призывает. Когда ваш вальс с принцессой закончится, я потребую своей очереди. А пока... *au revoir!*⁸

Он стал в стороне и пропустил маленькую группу людей: принцессу Зиска, двигавшуюся с её летящей бесшумной грациозностью, Дензила Мюррея за ней, маленького нубийца с опахалом перед ними и всех остальных поработанных воздыхателей этой неповторимо привлекательной женщины, столпившихся вместе в хвосте. Он наблюдал за небольшим кортежем напряжённым, мрачным взглядом, пока в самих дверях между лоджией и бальной залой принцесса не обернулась к нему с улыбкой. Над всеми промежуточными головами их глаза встретились в некой вспышке обоюдного понимания! Затем, когда прекрасное лицо исчезло, как свет растворяется в других огнях, Джервес, оставшись один, тяжело опустился в кресло и смутно уставился на искусный узор толстого ковра под ногами. Проведя рукою по лбу, он отнял её, мокрую от капель пота.

– Что это со мной? – пробурчал он. – Не заболел ли я, не пробыв и сорока восьми часов в Каире? Что за вздор у меня в голове? Где я её прежде видел? В Париже? Санкт-Петербурге? Лондоне? Чаровница!.. Чаровница!.. Что это имя значит для меня? Зиска-Чаровница! Это как название романа или цыганской песни. Ба! Я, должно быть, сплю! Её лицо и глаза мне отлично знакомы; где, где же я видел её и разыгрывал перед ней безумного глупца прежде? Не была ли

⁸ До свидания!

она моделью в какой-нибудь студии? Может, я случайным образом видел её во времена её бедности; и не взывает ли её образ к живым воспоминаниям, несмотря на изменившуюся внешность? Мне знаком даже аромат её волос... он будто пробирается прямо в мою кровь... он меня отравляет... шокирует меня!..

Он подпрыгнул, яростно рванувшись, затем через минуту сел обратно и снова уставился в пол.

Весёлая музыка из зала плясала перед ним в воздухе сладостным, отрывочным эхом, а он ничего не слышал и ничего не видел.

– Бог мой! – сказал он наконец, задержав дыхание. – Возможно ли, чтобы я влюбился в эту женщину?

Глава 3

Внутри балльного зала веселье уже приближалось к своей наивысшей точке. Это может прозвучать банально, но всё-таки несомненно то, что карнавальный костюм придаёт особенный шарм, свободу и яркость празднествам такого рода; и мужчины, которые в обычном унылом чёрном фраке были бы молчаливы и консервативны в своём поведении, отбрасывают прочь привычную замкнутость, когда стоят в блестящих нарядах, соответствующих какой-нибудь яркой эпохе, когда платье в равной степени олицетворяло искусство и моду; и в них они не только выглядят наилучшим образом, но ещё как-то ухитряются подобрать и манеру поведения к костюму и быть вежливыми, остроумными и изящными до такой степени, которая иногда заставляет их родственников удивляться и размышлять о том, почему это они стали вдруг такими интересными. Немногие читали «Перекроенного портного» с пониманием и пользой для себя, поэтому и не знают, как не знал и Тюфельсдрок, что «общество основывается на Ткани», то есть, что человек в значительной степени подстраивает своё поведение под одежду; и что раз костюм эпохи Людовика V или Людовика VI вдохновил на изящные манеры и научил женщин этикету, то точно так же и наряд нашего XIX века вдохновляет на бесцеремонное поведение и на краткую форму разговора, которые, однако, честны и не льстят слабому полу.

Гораздо больше любовных приключений бывает на костюмированном балу, чем на обычном; и многочисленны были пары, что прогуливались по коридорам и террасам «Джезире Палас», когда, после первой дюжины танцев обнаружилось, что самая прекрасная из всех полных лун поднялась над башнями и минаретами Каира, осветив каждый видимый предмет чистым блеском, как днём. Тогда всё это стало похоже на средневековье, когда воины и знать прогуливались с мифическими богинями и старомодными крестьянами Италии и Испании; также дерзкие «тореадоры» были уличены в нащёптываниях на ушко знатным королевам, а клоуны пойманы за любовным флиртом с невероятными девушками-цветочницами со всех стран мира. Потом сер Четвинд Лайл со своим пузом, скрывавшимся в недрах униформы Виндзора, которую для него изготовили два-три года назад, самодовольно вышагивал туда-сюда в лунном свете, наблюдая за своими двумя «девочками», Мюриэл и Долли, которые работали над определёнными «подходящими» женихами; затем леди Фалкворд, боязливо и чудно наряженная в герцогиню Гейнсборо, бродила туда и сюда, флиртуя с мужчинами, покачиваясь, хихикая, пожимая плечиками, помахивая веером, – и в целом вела себя так, будто была семнадцатилетней девицей, только что отпущенной из школы на каникулы. И потом почтенный доктор Максвелл Дин, несколько утомлённый энергичным скаканьем в «уланах», вышел на прогулку, чтобы подышать воздухом, обмахиваясь своей кепкой на ходу и внимательно прислушиваясь к каждому случайному слову или фразе, касались они его или нет. У него были особые теории, и одна из них, как он мог бы вам сказать, заключалась в том, что если вы подслушали замечание, очевидно не предназначенное вам, то не беспокойтесь, поскольку так было «предопределено», чтобы вы в этот самый момент, намеренно или непредумышленно, оказались соглядатаем. Причина этого, как он обычно доказывал, всегда раскрывается в дальнейшем. Известное высказывание «слушатели никогда не слышат ничего хорошего о себе» было, заявлял он, самым смешным афоризмом. «Вы подслушиваете то, что другие говорят, и вы их слышите. Очень хорошо! Может случиться, что вы услышите, как вас оскорбляют. Что тогда? Ничто не может быть лучше для вас, чем подобное оскорбление, так как вам предоставляется двойное наставление: это и предупреждение о врагах, которых вы, быть может, считали друзьями, и разоблачение высокомерного мнения, какое вы, возможно, имели по поводу собственной персоны или способностей. Прислушайтесь ко всему, если вы мудры, как всегда делаю я. Я опытный и умелый слушатель. И я никогда не слушал напрасно. Вся информация, какую я

раздобыл посредством подслушивания, хоть и казалась поначалу несвязной и беспорядочной, но вписалась в мою жизнь, как отдельные кусочки головоломки, и оказалась в высшей степени полезной. Где бы я ни был, я всегда держу уши широко открытыми».

С подобными только что озвученными взглядами жизнь была всегда чрезвычайно интересной для доктора Дина – он ничего не находил скучным, даже разговор с индивидуумом, известным как Балда. Балда представлялся ему столь же любопытным явлением природы, как эму или крокодил. И когда он поднял свою умную маленькую физиономию к глубоким тёплым египетским небесам и вдохнул воздух, обнюхивая его, будто это была гигантская бутылка духов, только что откупоренная для его особенного наслаждения, он улыбнулся, заметив Мюриэл Четвинд Лайл, стоявшую в совершенном одиночестве в конце террасы, наряженную в булонскую торговку рыбой и бросающую свирепые взгляды вслед поспешно удалявшегося «Белого гусара», бывшего не кем иным, как Россом Кортни.

«Как же смешотворно выглядит булонская торговка рыбой в Египте, – прокомментировал про себя доктор Дин. – Исключительно! Неуместность, особенно характерная семейству Четвинд Лайлов. Этот костюм молодой женщины похож на рыцарство её отца – фиглярство, фиглярство, фиглярство!» Вслух же он сказал:

– Отчего вы не танцуете, мисс Мюриэл?

– О, я не знаю, я устала, – сказала она жалобно. – Кроме того, все мужчины вертятся вокруг этой женщины, Зиска, они как будто потеряли от неё головы!

– Ах! – И доктор Дин потёр руки. – Да, возможно! Что же, она несомненно прекрасна!

– Я этого не вижу! – И Мюриэл Четвинд Лайл вспыхнула от внутренней ярости, которую не могла высказать. – Это скорее то, как она одета, чем её вид. Никто не знает, кто она, но им, кажется, всё равно. Все они кружатся, словно безумцы, вокруг неё, и тот человек – тот художник, который приехал сегодня, Арман Джервес, – кажется самым безумным из всех. Вы заметили, сколько раз он с ней танцевал?

– Я не мог этого не заметить, – отчётливо проговорил доктор Дин, – потому что ещё никогда не видел ничего более изящного, чем их совместный танец. В физическом плане они кажутся созданными друг для друга.

Мюриэл презрительно рассмеялась.

– Вы бы лучше рассказали об этом мистеру Дензилу Мюррею – он теперь в весьма дурном настроении, и это ваше замечание его бы не улучшило, скажу я вам!

Она резко оборвала речь, поскольку красивая девушка, наряженная греческой весталкой, в белом и с венком из серебристых миртовых листьев вокруг головы вдруг подошла и коснулась плеча доктора Дина.

– Могу я с вами поговорить одну минуту? – спросила она.

– Моя дорогая мисс Мюррей! Конечно же! – И доктор сразу же подошёл к ней. – В чём дело?

Она прошла рядом с ним несколько шагов молча, в то время как Мюриэл Четвинд Лайл лениво направилась прочь от террасы и вновь вошла в бальный зал.

– В чём дело? – повторил доктор Дин. – Вы выглядите встревоженной; ну же, расскажите мне всё!

Хелен Мюррей подняла взгляд – мягкие фиолетово-серые глаза, которые лорд Фалкворд назвал восхитительными, были заполнены слезами, – и остановила его на лице старого мужчины.

– Я хотела бы, – сказала она, – я хотела бы, чтоб он никогда не приезжал в Египет! Я чувствую, будто некое великое несчастье надвигается на нас! Правда, я так чувствую! О доктор Дин, вы видели моего брата сегодня?

– Видел, – ответил он и замолчал.

– И что вы думаете? – спросила она нетерпеливо. – Как вы объясните его отстранённость. Его грубость даже по отношению ко мне?

И слёзы брызнули и полились, несмотря на её попытки удержать их. Доктор Дин остановился и взял обе её руки в свои.

– Моя дорогая Хелен, бесполезно вот так переживать, – сказал он. – Ничто не может остановить приближение Неизбежного. Я наблюдал за Дензилом, я наблюдал за вновь прибывшим Арманом Джервесом, я наблюдал за таинственной Зиска и я наблюдал за вами! Что же, каков вывод? Неизбежное – просто непреодолимое Неизбежное. Дензил влюблён, Джервес влюблён – все влюблены, кроме меня и ещё одной персоны! Это целая паутина зла, а я – неудачливая мошка, которая бессознательно попала в самую её середину. Но паук, моя дорогая, – тот паук, который двигает паутиной в первой инстанции, – это принцесса Зиска, и она *не влюблена!* Она – та самая ещё одна персона. Она влюблена не более чем я. У неё что-то иное на уме – я не знаю точно, что это, но это не любовь. Исключая её и меня, весь отель влюблён – и *вы* влюблены!

Хелен выдернула свои руки из его пожатия и густо покраснела.

– Я! – заикалась она. – Доктор Дин, вы ошибаетесь...

– Доктор Дин никогда не ошибается в любовных делах, – гордо заметил самодовольный мудрец. – А теперь, дорогая моя, не обижайтесь. Я знал вас и вашего брата с тех времён, когда вы остались одинокими детьми-сиротами; если я не могу говорить с вами откровенно, то кто же тогда может? Вы влюблены, маленькая Хелен, – и очень неосмотрительно – в мужчину по имени Джервес. Я часто о нём слышал, но никогда с ним прежде не встречался до этой ночи. И я его не одобряю.

Хелен побледнела так же стремительно, как до этого покраснела, и лицо её в свете луны выглядело очень печальным.

– Он гостил у нас в Шотландии пару лет назад, – сказала она мягко. – Он был таким приятным...

– Ха! Не сомневаюсь! Он тогда закрутил нечто вроде любви с вами, я полагаю. Могу с лёгкостью его за этим представить! Возле вашего дома есть приятная романтическая деревушка – как раз там, где бежит река и где я поймал пятнадцатифунтового лосося лет пять назад. Ха! Ловля лосося – весьма здоровое занятие; гораздо лучше, чем влюбляться. Нет-нет, Хелен! Джервес для вас недостаточно хорош, вы достойны гораздо лучшего мужчины. Он говорил с вами сегодня?

– О да! И танцевал со мной.

– Ха! Сколько раз?

– Один.

– А сколько раз с принцессой Зиска?

Прекрасная головка Хелен опустилась, и она ничего не ответила. И сразу же маленькая рука доктора сомкнулась на её плече в нежном, но твёрдом захвате.

– Смотрите! – прошептал он.

Она подняла глаза и увидела две фигуры, выступившие на террасу и стоявшие в свете полной луны, – белое облачение бедуина на одном из них и сверкающее золотое платье на другой нетрудно было узнать, – это были Джервес и принцесса Зиска. Хелен слабо и быстро вздохнула.

– Пойдёмте внутрь, – сказала она.

– Глупости! Зачем нам уходить? Напротив, давайте к ним присоединимся.

– О нет! – И Хелен заметно содрогнулась при этой мысли. – Я не смогу и не просите! Я устала – вы знаете, что я устала, – восхищаться принцессой; но в ней что-то – не знаю, что это, – пугающее. Сказать по правде, я думаю, что боюсь её.

– Боитесь! Пуф! Почему вы должны бояться? Правда, что нечасто встретишь женщину с глазами, как у летучей мыши-вампира, но здесь нечего бояться. Я однажды препарировал глаза летучей мыши-вампира – очень интересная работа, очень. У принцессы они в точности такие же, только, конечно, её намного больше и прекраснее; но выражение в них такое же. Я страстный исследователь, как вам известно; я изучаю её. Что! Вы решили сбежать?

– Я обещала этот танец мистеру Кортни, – нервно сказала Хелен.

– Так-так! Мы продолжим наш разговор в другой раз, – и доктор Дин взял её ручки и ободряюще погладил. – Не забивайте себе голову Дензилом – с ним всё будет хорошо. И вот вам мой совет: не выходите замуж за вождя бедуинов, выйдите замуж за честного, откровенного, добродушного англичанина, который сможет о вас позаботиться, а не за непредсказуемого дикаря, который вас опустошит!

И с весёлой и добродушной улыбкой доктор Дин присоединился к двум неподвижным ярким фигурам, что стояли бок о бок, глядя на луну, в то время как Хелен, словно испуганная птичка, торопливо упорхнула в бальный зал, где Росс Кортни уже разыскивал её, как свою партнёршу для следующего вальса.

«Честное слово, – размышлял доктор, – премиленькая заварушка! „Джезире Палас“ – это вовсе не отель, как мне кажется, а сумасшедший дом. Чего стоит одна леди Фалкворд, изображающая из себя двадцатилетнюю в свои-то шестьдесят; и Мюриэл с Долли Четвинд Лайл, охотящиеся за мужчинами с азартом, превосходящим спортивную охоту на тигров; Хелен влюблена, Дензил влюблён, Джервес влюблён – чёрт возьми! Какой список предметов для изучения студента! А принцесса Зиска...»

Он резко прервал свои размышления, смутно осознавая странную торжественность этой ночи. Такая же торжественность, казалось, окружала две фигуры, к которым он теперь приблизился, и принцесса Зиска устремила на него взор, когда он подошёл, и он, к своему раздражению, знал, что нечто непреодолимое тревожило его обычное хладнокровие и порождало в нём неприятную дрожь.

– Наслаждаетесь прогулкой под луной, доктор? – спросила она.

Вуаль её теперь была откинута набок и лежала на плечах беспечными складками мягкой материи, и лицо её, имевшее эфирное изящество очертаний и прекрасный цвет, казалось почти слишком прекрасным для человеческого. Доктор Дин сначала ничего не ответил, он раздумывал над той исключительной схожестью, что наблюдалась между Арманом Джервесом и одной из фигур, изображённых на известной египетской фреске в Британском Музее.

– Наслаждаюсь... эээ... чем? Прогулкой под луной? Точно... эээ... да! Простите меня, принцесса, мой разум нередко уплывает, и я боюсь, что становлюсь несколько глухим в это время. Да, я нахожу эту ночь исключительно благоприятствующей для размышлений; невозможно стоять на такой земле и под такими небесами, как эти, – и он указал на сияющее небо, – и не вспоминать о великих легендах прошлого.

– Смею заметить, что они были во многом похожи на современные истории, – сказал Джервес с улыбкой.

– Я бы в этом усомнился. История такова, какой её делает человек; и в ранние дни цивилизации характер человека был, я думаю, более сильным, более честным, более целеустремлённым, более склонным к великим достижениям.

– Главным достижением и славой всегда было убить как можно больше людей мужского пола! – рассмеялся Джервес. – Как и великий воин Аракс, о котором принцесса как раз и рассказывала мне!

– Аракс был велик, но теперь Аракс – забытый герой, – медленно проговорила принцесса, и каждая нота её сладостного голоса отдавалась в ушах звоном маленького серебряного колокольчика. – Никто из современных открывателей ещё ничего не знает о нём. Они даже

не обнаружили его гробницы, однако он был захоронен в пирамидах со всеми королевскими почестями. Не сомневаюсь, что ваши мудрецы однажды его раскопают.

– Я думаю, что пирамиды уже достаточно подробно исследованы, – сказал доктор Дин. – Теперь в них уже не осталось ничего важного.

Принцесса изогнула свои прелестные бровки.

– Нет? Ах! я полагаю, вам это известно лучше, чем мне! – И она рассмеялась тем смехом, который выражал более презрение, нежели чем веселье.

– Я очень заинтересовался Араксом, – сказал Джервес тогда, – отчасти, полагаю, потому, что он в настоящее время находится в счастливом состоянии захороненной мумии. Никто его ещё не выкопал, не размотал его саванов и не сфотографировал его, и украшения его ещё не разграбили. А во-вторых, я им заинтересовался потому, что оказывается он был влюблён в знаменитую танцовщицу своего времени, которую принцесса олицетворяет этой ночью, – в Чаровницу. Жаль, что я не слышал этой истории до своего приезда в Каир, я бы нарядился Араксом сегодня.

– Чтобы сыграть роль любовника Чаровницы? – спросил доктор.

– Именно! – отвечал Джервес с горящим взглядом. – Уверен, я бы справился с этой ролью.

– Я воображаю, что вы бы справились с любой ролью, – любезно ответил доктор. – Роль любовника прекрасно удаётся большинству мужчин.

Принцесса поглядела на него при этих словах и улыбнулась. Драгоценный скарабей, вставленный в брошь на её груди в качестве украшения, ярко вспыхнул в свете луны, и в её глазах показался такой же яркий блеск.

– Подойдите и поговорите со мною, – сказала она, положив руку на его плечо, – я устала, а разговоры тех людей из бального зала слишком банальны. Монсеньор Джервес хотел бы, чтобы я танцевала всю ночь, я полагаю, однако я слишком ленива. Я предоставлю подобную активность леди Фалкворд и всем этим английским мисс и мадам. Я люблю лень.

– Многие русские женщины любят, я думаю, – заметил доктор.

Она рассмеялась.

– Но я не русская!

– Знаю. Я никогда и не считал вас таковой, – возразил он сдержанно, – но все постояльцы отеля пришли к заключению, что вы русская!

– Они очень ошибаются! Что же мне сделать, чтобы их исправить? – спросила она, очаровательно и еле заметно двинув бровями.

– Ничего! Оставьте их в этом заблуждении. Я не стану просвещать их, хоть мне и известна ваша национальность.

– Правда? – И тень любопытства покрыла её лицо. – Но, быть может, вы тоже ошибаетесь?

– Я так не думаю, – сказал доктор с ненавязчивым упрямством. – Вы египтянка. Рождённая в Египте; рождённая Египтом. Чистокровная Восточная женщина! В нас нет ничего Западного. Не правда ли?

Она таинственно поглядела на него.

– Вы почти угадали, – ответила она, – но не совсем точно. Изначально я из Египта.

Доктор Дин удовлетворённо кивнул.

– Изначально – да. Это буквально то, что я имею в виду, – изначально! Позвольте мне пригласить вас на ужин.

Он предложил свою руку, но Джервес поспешно выступил вперёд.

– Принцесса... – начал он.

Она легко отстранила его.

– Мой дорогой монсеньор Джервес, мы же не в пустыне, где вожди бедуинов делают что хотят. Мы находимся в современном отеле Каира, и все добрые английские мамы будут

страшно шокированы, если я стану слишком много времени проводить в вашем обществе. Я танцевала с вами пять раз, вы помните? Я потанцую с вами ещё один раз перед уходом. Когда наш вальс начнётся, приходите и вы найдёте меня в верхней комнате.

Она двинулась вперёд под руку с доктором Дином, и Джервес угрюмо отступил и позволил им пройти. Когда она ушла, он зажёл сигарету и нетерпеливо зашагал взад-вперёд по террасе, серьёзно нахмутив брови. Мужская тень неожиданно закрыла ему лунный свет, и рука Дензила Мюррея упала на его плечо.

– Джервес, – сказал он резко, – мне нужно с вами поговорить.

Джервес смерил его взглядом снизу доверху, отметив бледность его лица и дикие глаза, с определённым добродушным сожалением и состраданием.

– Говорите, друг мой.

Дензил прямо смотрел на него, жестоко кусая губы и заламывая руки в попытке унять очевидно сильные эмоции.

– Принцесса Зиска... – начал он.

Джервес улыбнулся и стряхнул пепел с сигареты.

– Принцесса Зиска, – откликнулся он эхом, – да? Что с ней? Она, кажется, теперь единственная личность, о ком говорят в Каире. Каждый человек в отеле по любому случаю начинает разговор именно с тех же слов, что и вы: «Принцесса Зиска»! Клянусь жизнью, это очень забавно!

– Для меня это не забавно, – горько проговорил Дензил. – Для меня это дело жизни и смерти. – Он замолчал, и Джервес с любопытством поглядел на него. – Мы всегда с вами были такими добрыми друзьями, Джервес, – продолжил он, – что мне будет очень жаль, если что-то встанет между нами теперь, так что я думаю, что лучше бы нам поговорить начистоту. – И снова он заколебался, лицо его стало ещё бледнее, затем с неожиданно вспыхнувшим светом в глазах он воскликнул: – Джервес, я люблю принцессу Зиска!

Джервес отбросил прочь свою сигарету и громко рассмеялся с дикой весёлостью.

– Мой дорогой мальчик, мне вас очень жаль! Жаль также и себя! Я осуждаю положение, в котором мы с вами оказались, всем сердцем и душой. Это очень прискорбно, но представляется неизбежным. Вы любите принцессу Зиска, и, во имя всех египетских и христианских богов, я тоже!

Глава 4

Дензил сделал шаг назад, затем резким движением приблизился вплотную к нему с неестественно красным лицом и глазами, горящими недобрым огнём.

– Вы – вы её любите! Как! В один краткий час вы, кто так часто мне хвастали, что у вас нет сердца, что вы не смотрите на женщин, кроме только моделей для ваших зарисовок, – вы говорите мне теперь, что влюблены в женщину, которую прежде этой ночи никогда не видели!

– Стойте! – оборвал его Джервес несколько капризно. – Я в этом не так уж уверен. Я уже *видел* её прежде, но вот где, я не могу вам сказать. Но огонь, который горячит мою кровь теперь, кажется, возрождается из некоей древней, внезапно ожившей страсти, и глаза этой женщины, от которой мы оба без ума, они не вдохновляют на святость, мой дорогой друг! Нет – ни вас, ни меня! Давайте будем честны друг с другом. Есть нечто мерзкое во внешности этой *Madam la Princesse*, и оно вызывает к чему-то равно мерзкому в нас самих. Мы, должно быть, побеждены этой силой, – *tant pis pour nous*⁹! Я больше жалею вас, чем себя, поскольку вы отличный парень, *au fond*¹⁰; у вас есть то, что мир склонен презирать, – чувство. У меня его нет, потому что, как уже говорил вам прежде, у меня нет сердца, но есть страсти – тигриные страсти, – которые должны быть удовлетворены; фактически, я ставлю смыслом своей жизни потакание им.

– Вы намерены потакать им и в данном случае?

– Несомненно! Если удастся.

– В таком случае, тем другом, что были прежде, вы уже не можете мне быть, – вскричал Дензил яростно. – Боже мой! Вы разве не понимаете? Моя кровь так же горяча, как и ваша, я не уступлю вам ни одной улыбки, ни одного взгляда принцессы Зиска! Нет! Я скорее вас уничтожу!

Джервес спокойно посмотрел на него.

– Сможете ли? *Parvte garçon!*¹¹ Неужели вы до сих пор такой мальчишка, Дензил, кстати, сколько вам лет? Ах, теперь вспомнил, двадцать два. Всего двадцать два, а вот мне тридцать восемь! Так что в меру одиночества, ваша жизнь более ценна для вас, чем моя – для меня. Поэтому если пожелаете, то можете меня убить! У меня как раз на поясе висит очень подходящий кинжал, – думаю, у него есть остриё, – который вы вполне можете использовать для этой цели; но, во имя неба, не медлите – сделайте это! Вы можете меня зарезать – можете, конечно, но вы не способны – и хорошенько это запомните, Дензил! – помешать моей любви к той самой женщине, в которую влюблены вы сами. Я полагаю, что вместо того, чтобы бредить этим делом здесь, в лунном свете, который представляет нас в свете двух правоверных негодяев на отборе для театральной сцены, нам бы лучше воспользоваться моментом и предоставить этот вопрос на разрешение самой леди. Что вы на это скажете? Вы ведь знаете её много дней – я знаком с ней только пару часов. Вам выпал первый шанс, так что жаловаться не на что.

Тут он играючи отвязал бедуинский кинжал, висевший на его поясе, и предложил его Дензилу, осторожно держа за сверкающее лезвие.

– Один удар, мой отважный мальчик! – сказал он. – И вы прекратите лихорадку по Зиска в моих венах раз и навсегда. Но если вы не решитесь на убийственный удар, то жар будет разгораться, усиливаясь, пока не достигнет своей наивысшей точки, и тогда...

– И тогда? – повторил эхом Дензил.

– Тогда? Ох, одному Богу известно, что тогда!

Дензил отклонил предложенное оружие с видом отвращения.

⁹ Тем хуже для нас!

¹⁰ По сути

¹¹ Бедный мальчик!

– Можете шутить, – сказал он. – Вы вечно шутите. Но вы не знаете – не можете прочесть ужасных помышлений в моём сердце. Я даже самому себе не могу позволить раскрыть их значение. Есть доля истины в ваших легкомысленных словах; я чувствую, я инстинктивно знаю, что женщина, которую я люблю, пользуется не доброй привлекательностью, а злой; и всё же, какое это имеет значение? Не влюбляются ли порой мужчины в гнусных женщин?

– Всегда! – кратко ответил Джервес.

– Джервес, я прошёл через пытки с тех пор, как увидел её лицо! – воскликнул несчастный парень, когда его самообладание неожиданно дрогнуло. – Вы себе представить не можете, во что превратилась моя жизнь! Её глаза сводят меня с ума, малейшее касание её руки, кажется, незримо уносит меня прочь...

– К гибели! – закончил Джервес. – Это обычный финал того пути, который мы, мужчины, предпринимаем с прекрасными женщинами.

– А теперь, – продолжал Дензил, едва вняв ему, – как будто моего личного отчаяния было мало, вам понадобилось ещё прибавить к нему от себя! Что за злой рок, гадаю я, послал вас в Каир! Конечно, теперь у меня с ней нет шансов; вы несомненно победите. И можете ли вы в этом случае удивляться, что я чувствую, будто мог бы вас убить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.